

review САММИТ В20

«Нам нужен постоянно действующий механизм включенности в выработку решений G20»

(Окончание. Начало на стр. 17)

Сквозной темой нашего диалога является восстановление устойчивого сбалансированного роста и создание рабочих мест. Среди приоритетов — финансирование инвестиций, прежде всего инвестиций в инфраструктуру и управление суверенным долгом. Традиционно рассматривается тема торговли как драйвера экономического роста. Инвестиции тоже тема традиционная, но мы рассматриваем ее через призму соотношения между финансовой консолидацией, жесткими требованиями по сокращению суверенных долгов, с одной стороны, и экономическим ростом — с другой. Один из лейтмотивов наших рекомендаций состоит в том, что бюджетная консолидация не должна проводиться в ущерб экономическому росту и деловой активности. Страны-члены «двадцатки» реализуют разные подходы. С одной стороны, многие страны, несмотря на формально провозглашенную линию на бюджетную консолидацию, проводят политику количественного смягчения и протекционистской поддержки национально-го бизнеса. С другой стороны, та же политика количественного смягчения время от времени объявляется под запретом, страны берут повышенные обязательства в области бюджетной консолидации. Россия здесь не занимает однозначной позиции. Мы можем похвастаться низкими размерами внешнего долга и бюджетного дефицита, но идет наращивание социальных бюджетных обязательств, и если вдруг придется проводить жесткую фискальную политику, то у нас под ударом окажется деловая активность и стимулы экономического роста.

Еще одна тема, которая становится традиционной, — открытость (прозрачность) и антикоррупционная политика. Россия уже заявила о готовности присоединиться к соглашению об автоматическом обмене информацией о налогоплательщиках, это одна из новелл этого года для обсуждения на высшем уровне. Причем возник дополнительный аргумент для обсуждения этой темы на «двадцатке», поскольку Великобритания заявила в качестве одного из приоритетов своего председательства в G8 вопросы борьбы с уклонением от налогообложения. Как сказал британский премьер Дэвид Кэмерон на встрече с бизнес-лидерами «восьмерки» месяц назад, речь идет о том, как не допустить агрессивного tax avoidance. Все правительства сейчас озабочены тем, чтобы компании, ведущие бизнес в той или иной стране, не платили налоги не только в классических офшорах и налоговых гаванях, но даже в низконалоговых юрисдикциях (Швейцария, Австрия, Люксембург). То есть идет борьба за возврат налоговой базы в страны ее происхождения. Россия поддерживает эту линию, и бюджетное послание президента тому подтверждение, но необходимо, чтобы налоговая база вернулась именно в Россию.

— **Каким образом это можно добиться?**

— Нужно не пугать российский бизнес «равным подходом» к налогообложению всех инвестиций. Минфин в начале года говорил о введении дополнительного налогообложения на доходы от банковских депозитов и об уменьшении

вычетов по налогам на недвижимость. Нужно же воспользоваться случаем и объявить, что у нас всерьез и надолго будет обеспечена стабильность налогов там, где они высоки. Если уж деваться некуда с дефшоризацией и налоговой прозрачностью, то бизнесу лучше получать выгоды от «домашней» неагрессивной налоговой оптимизации, за которую и в Краснокамск не пошлют.

— **У разного бизнеса в этом вопросе, наверное, различные позиции?**

— Да, поэтому и нужно выработать компромисс по ключевым вопросам. Когда мы с коллегами по «восьмерке» ходили на Даунинг-стрит, 10 (резиденция премьер-министра Великобритании). — «Б» и соглашались на нашу позицию, то за время обсуждения она трансформировалась от прямой поддержки таких механизмов, как автоматический обмен информацией по налогоплательщикам и учет конечных бенефициаров, до формулы, в которой бизнес призывает правительства стран G8 снижать налоговые ставки, расширять налоговую базу и на этой основе усиливать контроль и надзор. Очень важно, чтобы не было двойного бремени. Одно может быть связано с более жестким администрированием, чтобы не допустить агрессивного снижения налогов через использование различных комфортных юрисдикций. А с другой стороны, возможно негативное воздействие на деловую активность через повышение налоговых ставок, сокращение расходов на инвестиции и т. д.

Очень важно, чтобы тут был баланс. Здесь позиция бизнеса может быть не обремененная четкие формулы, но она понятная. Баланс нужно держать, потому что желание вернуть налоговую базу в страну должно чем-то подкрепляться. Как выяснилось, это общая тема для многих стран, а не чисто российская специфика. Всем хочется вернуть налоговую базу, но не хочется налоговое послабление давать. Надо иметь в виду, что есть реальная конкуренция за налоговую базу даже и между «приличными» юрисдикциями.

— **Сложно ли нашему бизнесу с иностранным бизнесом найти общий язык, с учетом того что существует конкуренция, в том числе между странами?**

— Под такими базовыми тезисами, как транграничный переток инвестиций, наш бизнес подписывается, потому что и он в этом заинтересован. Та же ситуация со свободной торговлей. У нас сейчас наблюдается серьезное замедление экономического роста, и многие считают, что одна из причин — это снятие барьеров в связи с вступлением России в ВТО. При этом мы подписываемся под тезисом о необходимости усиления борьбы с протекционизмом. К России много уже претензий и у американцев, и у европейцев: мы только вступили во Всемирную торговую организацию и уже нарушаем. Но здесь просматривается ставший уже традиционным подход стран — членов ВТО. Любая процедура разрешения споров требует времени, и пока эти тяжбы пройдут по правилам ВТО, острота про-

blems по каким-то товарам снимется и можно признаться в своих грехах и вернуться в нормальное русло. Поэтому здесь элемент двойного стандарта у всех присутствует.

— **Какова значимость ваших рекомендаций и перспективы, на которую вы работаете?**

— Кроме «бизнес-двадцатки» есть еще ряд других, так называемых outreach-групп: есть молодежная «двадцатка», «двадцатка» по развитию гражданского общества, экспертная «двадцатка». Хотелось бы, чтобы наш вес был выше и чтобы другие «двадцатки» сотрудничали с нами как с авангардом взаимодействия с «большой двадцаткой». Нам, безусловно, важно выслушать и экспертные соображения, и гражданское общество, и молодежь (кстати, именно поэтому мы, например, с молодежной «двадцаткой» и с молодыми предпринимателями проводим целый ряд совместных мероприятий). Ну, еще есть трудовая «двадцатка», профсоюзная.

— **С ней, наверное, вам труднее найти общий язык?**

— Да, несмотря на то, что мы морально готовы подписать совместное обращение, думаю, что так будет не так много общих сюжетов, потому что не по всем из них мы одинаковое видение имеем. Нам прежде всего хотелось бы, используя «двадцатку», легализовать понятие гибкого рынка труда. Наши профсоюзы не любят этого термина, а вот профсоюзы многих других стран и международных организации в принципе понимают, что это один из способов борьбы с безработицей, в том числе с безработицей среди молодежи и уязвимых групп населения, которые не могут претендовать на полную занятость. Нам нужны гибкие формы, в том числе дистанционная работа, заемный труд, оплачиваемое ученичество и т. д. Безусловно, нужно развивать различные гибкие формы не в ущерб трудовым правам, но главная цель здесь повысить уровень занятости в целом, минимизировать безработицу там, где она высока. Многие страны это лучше нас чувствуют, поэтому и продвинулись в понимании эффективной занятости дальше нас.

Для нас, безусловно, важна тема сотрудничества с други-

ми outreach-группами, но нам не хотелось бы, чтобы «большая двадцатка» плодила их до бесконечности. Сегодня их 5, потом будет 10, потом — 25, и с каждой придется работать. Мы хотели бы, чтобы была четкая фиксация того, что «деловая двадцатка» — основной outreach-партнер, потому что G20 создавалась для того, чтобы восстановить экономический рост. От кого это зависит? От бизнеса. Все остальные «двадцатки» должны быть вспомогательными с точки зрения взаимодействия с «большой двадцаткой» и с бизнесом, и в этом смысле чем больше их будет, тем лучше, но надо этим процессом мягко, но... рулить.

Если говорить о перспективах, на какой период наши рекомендации рассчитаны, то больше чем на три года задавать не приходится. Ну, во-первых, дай бог, чтобы от саммита к саммиту рекомендации не теряли своего значения и имплементировались. А второе, мы же пока еще не знаем, кто будет председателем в G20 после Турции, которая сменит Австралию в 2015 году. Если это будет, скажем, Индонезия или Саудовская Аравия — это один вариант. Если страна — член G8 — другой вариант. Многие в выборе приоритетов В20 заигрывают от страны-председателя. Безусловно, преэминентность тоже соблюдается, но больше чем на три года горизонт посмотреть сложно. Если первые «двадцатки» были более деловыми, то сейчас много и политики или вопросов, напрямую не связанных с торговлей, финансами и инвестициями. Много зависит от того, какие страны и международные организации зовут в качестве приглашенных. Постоянно приглашенной страной является Испания, всегда присутствуют страны, представляющие Африку и АТР, причем каждый раз разные. В итоге количество делегаций почти два раза больше, чем это официально значится в титуле G20.

Поэтому и церемониальная часть занимает довольно много времени, и, безусловно, основная нагрузка ложится на подготовительную работу — работу шерп, рабочих групп, созданных главами государств

и правительство, и outreach-групп, таких, как «бизнес-двадцатка». Но нам не стоит рассчитывать на то, что мы выйдем в Константиновском дворце (на Петербургском саммите G20... «Б») на какой-то подиум, развернем какой-то манускрипт и прочитаем наши рекомендации, а все нам поаплодируют. Хотя, может, и неплохо было бы зафиксировать такую картинку... Но делать это имеет смысл, только если до этого мы большую часть вопросов обсудим на рабочем уровне и инкорпорируем наши предложения в проекты официальных документов G20. Тогда смысл встречи с глобальными лидерами мог бы состоять в том, чтобы определить, как дальше работать: об исполнении каких рекомендаций на следующем саммите уже надо отчитаться, какие уходят в среднесрочную, двух-трехлетнюю перспективу и т. д. Смысл донесения до глобальных лидеров результатов деятельности «бизнес-двадцатки» состоит в том, чтобы зафиксировать то, что уже сделано, что остается в повестке дня и как исполнять уже выданные рекомендации.

— **Какие практические плюсы для бизнеса могут быть в деятельности «деловой двадцатки»?**

— Нам очень важно выработать механизм взаимодействия В20 и G20. На национальном уровне у нас есть оценка регулирующего воздействия, Открытое правительство, экспертный совет при правительстве, «дорожные карты»... Нам нужен аналитичный постоянно действующий механизм включенности в выработку решений G20. Причем важно создать механизм консолидации позиции международной группы бизнеса. Когда РСРП вступил в председательство на «двадцатке», мы предложили своим коллегам по клубу в качестве одной из целей нашей совместной работы создать постоянный механизм консультаций, мониторинга и исполнения рекомендаций. Мы в апреле прошлого года даже создали специальную структуру В20 Coalition — это организация, в которую по нашему замыслу должны были вступить ведущие бизнес-ассоциации стран «двадцатки». И именно они должны играть ведущую роль в формировании повестки дня, составлении рекомендаций в рамках этой согласованной повестки дня, мониторинге исполнения и т. д. К сожалению, здесь не могу сказать, что все получилось. В20 Coalition стала жить своей самостоятельной жизнью, зачастую игнорируя интересы национальных бизнес-ассоциаций, международных организаций бизнеса.

А также специфику председательства в «бизнес-двадцатке» тех или иных стран. Первоначальная инициатива создания такой структуры исходила от французских коллег. Мы в свое время поддержали Medef (крупнейшая бизнес-ассоциация Франции, — «Б») в качестве координатора «бизнес-двадцатки» во время французского председательства в 2011 году. Мексиканцы затем этот опыт не использовали, президент Фелипе Кальдерон назначил известного предпринимателя в качестве «начальника» В20. Когда к нам перешло председательство, мы высказали идею, что надо соединить все потоки: международные организации

(Международная торговая палата, Международная организация работодателей, Всемирный экономический форум), ведущих мировых консультантов типа McKinsey и Boston Consulting Group, и бизнес-ассоциаций стран G20. И мы хотели этот механизм взаимодействия разных сегментов бизнеса — и глобального, и национального — сделать постоянным и в таком виде передать австралийцам. Но правительство Австралии пошло по другому пути: назначило Гойдера (Ричард Гойдер, глава Westfarmers Ltd., — «Б») и 25 предпринимателей, которые и будут представлять эту страну в рамках австралийского председательства.

— **Проблема в том, что на национальном уровне у бизнеса нет консолидированного мнения?**

— Ну вот в Австралии три ассоциации. В Мексике две основных ассоциации. Даже в США, где нашим основным партнером является Американская торговая палата, на заседании неформальной бизнес-группы в рамках «большой восьмерки» одновременно приезжали представители от разных американских организаций, в том числе от Национального совета по международной торговле и «Круглого стола американского бизнеса». В рамках «бизнес-двадцатки» в этом году все эти организации активно работали в разных целевых группах. В общем, для нас важно, чтобы действовал принцип «большой двадцатки»: одна страна — один голос. Должна быть консолидированная позиция бизнеса той или иной страны, и в этом смысле для нас В20 — это не организация, где членство, взносы и т. д., для нас это процесс обмена мнениями и формирования позиций.

А тем временем наши коллеги по формализованной В20 Coalition инициировали процесс голосования, где предлагают избрать президента Каннадской торговой палаты председателем В20 Coalition. Мы возражаем: мы договаривались о том, что председателем В20 Coalition является председатель «двадцатки» в текущем году и у него автоматический два заместителя: предыдущий и следующий председатели. Председатель В20 Coalition может быть членом этой «тройки плюс». То есть уже у кого-то появляется желание порулить процессом со стороны. Но ведь В20 — это не организация, а клуб, даже «большая двадцатка» — это клуб, и В20 не может не быть клубом. А в клубе, главное, на мой взгляд и на взгляд большинства моих коллег, консолидировать позицию глобального бизнеса по тем или иным темам. А вовсе не навязать ту или иную позицию.

Мы часто критикуем «большую двадцатку» за то, что не все ее рекомендации носят обязательный характер, но мы и внутри бизнеса не всегда можем сформулировать жесткие позиции и тем более взять на себя твердые обязательства. Австралийцы, к которым от нас перейдет председательство, очень плотно с нами работают, но, к сожалению, каждая новая «двадцатка» по-новому выстраивает механизм взаимодействия В20 и G20. С одной стороны, мы «право на самоопределение» отнимаем ни у кого не собираемся, с другой стороны, если бы создали постоянный механизм взаимодействия, нам проще было бы и с лидерами стран договариваться.

Мы уже могли бы сослаться на то, что В20 функционирует как полноценный институт и генерирует рекомендации, мониторинг исполнения старых и т. д., то есть работает эффективно. Поэтому нам надо, во-первых, доказать свою эффективность, во-вторых, каждый раз этот механизм не менять. Иначе у нас возобладает национальная специфика, будут разные форматы донесения мнения бизнеса до лидеров... Поскольку механизм взаимодействия В20 и G20 мы во многом уже выстроили, нам нужно не так много времени, чтобы его отработать. С этой точки зрения председательство Австралии, а затем Турции будут принципиально важными для доводки и закрепления этого механизма.

— **А насколько, с вашей точки зрения, G20 сейчас эффективна и соответствует тем задачам, ради которых она создавалась?**

— Основная проблема на самом деле в том, что рекомендации и «большой двадцатки», и В20, даже закрепленные в финальных документах, к сожалению, часто не исполняются. Вот возьмем, к примеру, греческий кризис. Была выработана репутатура преодоления кризиса, и казалось, что она будет типовой. Был выработан механизм, как обменивать реформы и бюджетную консолидацию на списание части долга, поддержку банковской системы и т. д. Прошел год, начался кризис на Кипре. Председатель Еврогруппы каждый день делал разноречивые заявления: то ли это новый универсальный рецепт, то ли специфический кипрский сюжет. Вдруг заявление МВФ: все-таки с Грецией мы ошиблись — не надо было поступать так, как поступили, наверное, это не лучший способ. То есть, получается, «двадцатка» хорошо работает, когда относительно спокойно. Инновации можно обсуждать, «зеленый» рост, продовольственную безопасность, информационно-коммуникационные технологии — хорошие, важные глобальные темы. Но оказывается, что по ключевым проблемам, ради которых создавалась «двадцатка», когда возникает пожар какой-то, то тушат его подручными средствами. Забывают о том, что там где-то, условно огнетушитель есть — хватают ведро, топор, багор... и начинают кто во что горазд...

— **То есть кризис, наоборот, не консолидирует, а разъединяет?**

— На мой взгляд, это главная проблема «двадцатки»: нужно не расширять тематику, а научиться консолидироваться по тем проблемам, ради которых она создавалась. Иначе она свой авторитет как института консолидации позиций по антикризисным мерам потеряет очень скоро и станет действительно просто ритуальным мероприятием.

— **Пока G20 слабо эффективно не доказала?**

— И да, и нет. Вот такой вроде бы понятный вопрос — перераспределение квот в МВФ. Несколько стран, в том числе США, до сих пор не ратифицировали соответствующие соглашения. Это вопрос сугубо конкретный — сделать то, о чем договорились несколько лет назад. А ключевая страна не делает этого. Другой пример: ратификация антикоррупционных соглашений — Германия еще не ратифицировала. Это что, эффективность? Зачем прини-

мать тогда такие решения, если мы заведомо знаем, что по квотам в МВФ американцы будут тормозить. А если американцы тормозят, то и Аргентине с ЮАР некуда торопиться: хорошо быть изгоями вместе с великой державой. Сейчас идет активное обсуждение соглашений об обмене информацией о налогоплательщиках и раскрытии конечных бенефициаров. Если опять выяснится, что половина — туда, половина — сюда, или даже если только две страны откажутся... Австрия и Люксембург в этом вопросе пока не соглашаются с мнением остальных членов ЕС.

— **Да, это все подрывает, естественно...**

— Это подрывает, поэтому на самом деле надо договариваться прежде всего по тем вопросам, под которыми можно не только подписаться, но и их исполнить. А с другой стороны, надо, чтобы эти вопросы были не только судьбоносными, но и чувствительными. Приведенные примеры показывают, что нет механизма не то что принуждения к исполнению решений, но даже морального порицания.

— **Не очень понятно, как этот механизм мог бы функционировать.**

— Поскольку G20 — это клуб, то и обязательства члены клуба должны брать добровольно. Миссия G20 состоит в числе прочего в том, чтобы показать остальному миру пример для подражания, договориться о совместных действиях во всех организациях. Теоретически можно было бы предложить принцип: тот, кто не выполняет обязательств, будет уже не полноценным участником, а приглашенным. Условно, не выполняющий чего-то — уходите из «вышей лиги». А какая-то другая страна в таком случае сможет войти, если готова подписаться и исполнить все обязательства и если обладает достаточным весом в мировой экономике, конечно. Но думаю, что механизм публичного порицания может развалить саму «двадцатку»: если США окажутся в такой ситуации или Китай, то это чересчур круто будет. Во многом проблемы «двадцатки» виднее, чем проблемы «восьмерки», в том числе в силу как раз разнородности интересов.

— **«Восьмерка» все-таки выглядит более однородной структурой?**

— Если нас не считать... В «двадцатке» перечень обязательных к исполнению решений может быть меньше, но он должен быть обязательным. И должен быть механизм мониторинга и контроля. А какого контроля? Мы, честно скажу, пытались попросить национальные ассоциации бизнеса промониторить то, как их правительства исполняют решения G20. Почти все уклонились. Не хотят мониторить свои правительства...

— **А вы бы согласились?**

— В одиночку — нет, только вместе со всеми. Лучшее было бы, если бы сами национальные правительства этот мониторинг проводили. Ведь у G20 нет постоянного секретариата, кроме механизма шерп и рабочих групп, и появления таких структур не предвидится. Поэтому эту работу нужно отдавать на аутсорсинг, например, «бизнес-двадцатке». На мой взгляд, ближайшее будущее покажет, насколько институт «двадцатки» жизнеспособен.

Интервью взял Юрий Барсуков

прямая речь

Что бы вы правительству посоветовали?

Алексей Мордашов, генеральный директор компании «Северсталь», председатель целевой группы В20 «Торговля как фактор роста»:

частных инвесторов и повышение конкурентоспособности российской экономики, особенно экспортно ориентированных и импортозамещающих отраслей, что очень важно в условиях продолжающейся интеграции в мировую экономику после присоединения России к ВТО.

Ближайшие годы для российского правительства, по всей видимости, будут проходить под знаком поиска новых источников экономического роста. Одним из таких источников должно стать содействие международной торговле. Мы много занимались этим вопросом в рамках рабочей группы «деловой двадцатки» по торговле и считаем, что следует уделить особое внимание транграничному перемещению товаров, особенно упрощению таможенных про-

цедур, снятию административных барьеров, организации транграничной логистики. Помимо всего прочего это один из главных факторов отставания России в оценках бизнес-климата, по мнению многих участников бизнеса и международных институтов.

В связи с кризисными явлениями в мировой экономике, оказывающими влияние на ситуацию в России, целесообразно вернуться к рассмотрению вопроса о тарифной политике естественных монополий, которая не приводила бы к усорению инфляции. На ближайшее время вопрос управления издержками и конкурентоспособности для российской бизнеса становится приоритетным. Среди мер государственной поддержки, на которые хотел бы рассчитывать в российской металлургической отрасли,

в первую очередь следует выделить реализацию масштабных, металлоемких проектов правительства РФ по строительству и модернизации инфраструктуры, в том числе под новые проекты в труднодоступных регионах страны.

Давид Яковашвили, председатель совета директоров корпорации «Биоэнергия», председатель целевой группы В20 «Создание рабочих мест, занятость и инвестиции в человеческий капитал»:

— В первую очередь нужно воспользоваться ситуацией, сложившейся на Кипре. Когда мы встречались с Дмитрием Анатольевичем Медведевым, он полностью поддержал эту идею. Необходимо воспользоваться ситуацией на Кипре и создать в России райский эко-

номический угодок для бизнесменов. В экономической политике важна предсказуемость. Она заключается в том, что наши руководители могли бы во всеуслышание заявить, что накладывается мораторий на любые ухудшения в налоговом законодательстве, на повышение административных барьеров, что бизнес может чувствовать себя свободнее. Необходимо пресечь высказывания со стороны чиновников по поводу ужесточения политики в отношении развития бизнеса.

Это позволит создать условия для формирования благоприятного делового климата и, соответственно, создания высокоэффективных рабочих мест. Решению этой проблемы посвящены рекомендации целевой группы В20 «Создание рабочих мест, занятость и ин-

вестиции в человеческий капитал». При этом вновь созданные рабочие места будут требовать от работников определенной квалификации, а для этого необходимо наладить постоянные контакты бизнеса и системы образования. Кроме того, необходимо обеспечить повышение гибкости трудового законодательства, с тем чтобы бизнес мог быстро реагировать на увеличение или снижение потребности в кадрах в связи с меняющейся конъюнктурой производства. Это тем более важно в условиях особенности современной демографической ситуации, характеризующейся старением населения.

Виктор Вексельберг, президент Фонда «Сколково», председатель целевой группы

«Инновационное развитие как глобальный приоритет»: Мы отмечаем, что приоритетными сферами для инновационного развития сегодня являются интеллектуальная собственность, биомедицинские технологии, энергетика и информационно-коммуникационные технологии. Наша ключевая рекомендация политическим лидерам — сфокусироваться на институте интеллектуальной собственности как жизненно важным для инновационного развития. Необходимо сбалансировать глобальный режим регулирования интеллектуальной собственности исходя из потребности стимулирования инноваций. Проблемы, связанные с интеллектуальными правами, до сих пор не были включены в повестку «большой двадцатки» и оставались предметом

фрагментарного обсуждения исключительного на специализированных площадках — эту ситуацию надо менять. Мы выдвигаем следующие предложения: разработать согласованные меры по балансированию глобального режима интеллектуальной собственности с учетом интересов как развитого, так и развивающегося мира, обеспечить расширение доступа к знаниям, передаче технологий и опыту, способствовать снижению барьеров при получении и реализации прав на интеллектуальную собственность, сформировать и предложить механизм нормативного функционирования на международном уровне — в рамках механизмов ВТО или «большой двадцатки» — для улучшения глобальной конкуренции на инновационных рынках.